

Первухин М. Тени прошлого. Воспоминания о
А.П. Чехове // Слово (Рига). 1927. 12 июня. № 531. С. 3

Тѣни прошлаго.

Воспоминованія о А. П. Чеховѣ.

Недавно въ сов. печати появились сообщенія объ «уголкѣ Чехова» въ Крыму: ялтинская дача уцѣлѣла, несмотря на всѣ передраги. Домъ сталъ «Чеховскимъ музеемъ». Тамъ живетъ, на правахъ «хранительницы музея», Марія Павловна, любимая сестра покойнаго писателя, получающая казенный паекъ. Музей привлекаетъ не мало публики, особенно по праздникамъ. Садъ, надъ разведеніемъ котораго столь потрудился въ свое время Антонъ Павловичъ, нѣсколько пострадалъ, но, все же, уцѣлѣлъ и разросся.

У «чеховскаго уголка» — своя, и интересная исторія, значительную часть которой я знаю со словъ самого Антона Павловича.

— Соціализму я сочувствую, — признавался онъ, — но сильно побаиваюсь, что изъ меня лично выйдетъ бы чертовски плохой соціалистъ!

Нѣтъ, не шутя! Вопросъ-то достаточно щекотливый...

Вотъ, напримѣръ, провѣряя себя, я нахожу, что въ душѣ я — упорнѣйшій собственникъ. Инстинктъ собственности вошелъ въ плоть и въ кровь. Еще въ молодости, гимназистомъ и студентомъ, испытывая принимавшую иной разъ достаточно острые формы нужду, я, будучи, въ общемъ, достаточно равнодушнымъ къ благамъ жизни, все же упорно, а по временамъ и болѣзненно страстно, мечталъ о томъ, чтобы обзавестись собственнымъ угломъ. И чѣмъ старше становилась, тѣмъ больше овладѣвала мною эта собственническая мысль. Были періоды, когда «свой уголокъ» дѣлался какимъ-то кошмаромъ: неотвязчивая идея.

И до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ сложившагося, должно быть еще въ дѣтствѣ представленія:

— Человѣкъ можетъ быть купцомъ, фабрикантомъ, адвокатомъ, инженеромъ, врачомъ, — но куда онъ не сдѣлается домовладѣльцемъ, — это что то, если можно такъ выразиться, «неодѣланное». Только тотъ, у кого есть «собственное жилище», изъ котораго его никто не можетъ «высадить», — только онъ «полный человѣкъ».

Вамъ не смѣшно? Смѣйтесь, смѣйтесь! А я на опытъ убѣдился, что такая же тоска по «собственности» проявляется, рано или поздно, рѣшительно у всѣхъ. На что чистокровнымъ «богемой» является мой пріятель, Исаакъ Левитанъ, — а и тотъ въ разговорахъ «подушамъ» признается, что его мечтою издавна является — обзавестись собственнымъ домомъ. И не только «собственнымъ жилищемъ», но такимъ домомъ, гдѣ нашлось бы мѣсто и для квартирантовъ. Тутъ есть, должно быть, какой-то «домовладѣльческій садизмъ»:

— Мнѣ мало того, чтобы не зависѣть въ квартирномъ отношеніи ни отъ кого, но для полноты счастья нужно ощущать что есть кто то, кто въ этомъ отношеніи зависитъ отъ меня!

Помню, какъ, живя первые годы въ Москвѣ, я на скучнѣйшихъ лекціяхъ въ университетѣ иной разъ забывался. И принимался вычерчивать въ принесенной для записыванія лекцій тетрадкѣ планъ того дома, который твердо рѣшилъ выстроить, какъ только... разбогатѣю.

— Вотъ здѣсь будетъ спальня. Одно окно, и непременно большое, должно быть обращено на востокъ: чтобы, проснувшись иной разъ на разсвѣтѣ, смотрѣть, какъ восходитъ веселое солнышко. И въ спальнѣ долженъ быть, конечно, каминъ: тепла отъ него, правда, мало, но очень ужъ пріятно посидѣть, въ сумер-

кахъ, у камина, въ которомъ пылаютъ, скажемъ, березовыя дрова...

А тутъ у меня будетъ рабочій кабинетъ. Обстановка — строгая, стильная. Ничего лишняго, ничего такого, что могло бы отвлекать отъ работы. Но все такое массивное и удобное, вѣковое... А еще, конечно, пріемная. А еще столовая. А еще...

Вопросъ о томъ, гдѣ я найду деньги для постройки «собственного дома», я, конечно, деликатно обходилъ. «Найду!» — и дѣло кончено. Можетъ быть, куплю въ разсрочку выигрышный билетъ и въ слѣдующій же тиражъ выиграю двѣсти тысячъ. На меньшее — никакъ не согласенъ! Подавайте мнѣ мои двѣсти тысячъ!

А то словно съ неба свалится большое наследство отъ какого-нибудь навѣдомаго дядюшки, занявшагося въ Калифорніи или въ Австраліи золотоискательствомъ. А то сдѣлаю какое-нибудь изумительное изобрѣтеніе, возьму патентъ на весь міръ и примусь грабить человѣчество... Но деньги будутъ, и я первымъ же дѣломъ — обзаведусь собственнымъ домомъ, и только тогда буду чувствовать себя «настоящимъ человѣкомъ». А то, помилуйте, что же это такое?! Вотъ одна моя знакомая семья прожила въ Москвѣ, на Арбатѣ, почти двадцать лѣтъ. И вдругъ домовладѣлецъ сообщаетъ:

— Ужъ вы потрудитесь къ такому то числу очистить квартиру!

— Почему? Чѣмъ мы провинились?!

— Извините-съ... Ничего противъ васъ не имѣемъ, но какъ для нашего племянничка понадобилось, то, конечно...

— Да, вѣдь, мы уже двадцать лѣтъ здѣсь живемъ! Какъ же такъ?!

— А хоша бы и тридцать! Все одно: какъ были квартирантами по словесному договору, такъ, вѣдь, и остались... А какъ теперь нашъ племянничекъ-съ изъ Рязани пріѣзжаетъ, то, конечно, придетъ вамъ выбирать...

И, люди, которые, проживъ на одномъ мѣстѣ, повторяю, двадцать лѣтъ, срослись съ этимъ мѣстомъ, вынуждены

уходить куда то. Вѣдь, если не для всѣхъ и каждаго, то для многихъ — тутъ настоящая драма.

Когда мнѣ удалось напечатать первую книжку моихъ рассказовъ, и въ моихъ рукахъ оказалось нѣсколько сотъ рублей, — тогда такія деньги казались мнѣ чуть ли не капиталомъ, — мечта о собственномъ домѣ приняла другое направление:

— Поработаю. Когда накопится матеріаль, продамъ какому-нибудь издателю собраніе моихъ сочиненій, и всѣ деньги употреблю на пріобрѣтеніе или маленькаго помѣстья, или городского дома.

Деньги, и деньги, сравнительно, весьма порядочныя, много разъ попадали мнѣ въ руки. Но, все же, ихъ не могло хватить на осуществленіе моей старой мечты. Тѣмъ временемъ, — у меня проявился треклятый «процессикъ въ легкихъ». Пришлось подумать о томъ, что мнѣ, какъ больному, нуженъ опредѣленный комфортъ. Нужна обстановка, которую трудно создать, странствуя съ квартиры на квартиру. Опять, мечта о «собственномъ домѣ» приняла, пожалуй даже тоскливо-острыя формы.

Осуществить эту мечту, однако, мнѣ удалось только совсѣмъ недавно, когда Марксъ купилъ «въ вѣчность» права на мои сочиненія и сразу отвалилъ мнѣ 75.000 руб. Пожалуй, въ томъ, что я пошелъ на эту сдѣлку, въ общемъ не очень то для меня выгодную, рѣшающую роль сыгралъ соблазнъ:

— Наконецъ то, у меня будетъ собственный уголокъ!

Шельмецъ Сергѣенко, выступавшій въ роли посредника между мною и Марксомъ, ловко, артистически сыгралъ на этой стрункѣ. Я и оглянуться не успѣлъ, какъ дѣло было слажено. Пятиться было поздно. И, вотъ, я принялся за постройку дачи въ Ялтѣ. Но долженъ признаться: славны бубны за горами. Постройка дачи причинила мнѣ не мало огорченій. Во многомъ мнѣ пришлось горько разочароваться. Однако, дѣло сдѣлано, и снявши голову — по волосамъ не плачутъ... М. Первухинъ.

Первухин М. Тени прошлого. Воспоминания о
А.П. Чехове // Слово (Рига). 1927. 19 июня.

№ 538. С. 4

Тѣни минувшаго.

Воспоминанія о А. П. Чеховѣ.

«Шельмецъ Сергѣенко», о которомъ говорилъ Чеховъ въ связи съ продажей своихъ сочиненій извѣстному издателю «Нивы» Марксу, — былъ дѣйствительно, «шельменцомъ». И та роль, которую онъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ, надо признаться, мало чести ему дѣлаетъ.

Шустрый, даже не въ мѣру шустрый южанинъ, кажется — одесситъ. П. Сергѣенко началъ свою карьеру съ сотрудничества въ московской и петербургской бульварной печати. У него было бойкое перо, но еще бойчѣе былъ самъ Сергѣенко, отличавшійся исключительною пронырливостью и своеобразною дѣловитостью, отъ которой скверно пахло. Въ серединѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Москвѣ, въ причастныхъ къ печати кругахъ, надѣлалъ шуму достаточно смѣшной инцидентъ, чуть не разрѣшившійся дуэлью. Дѣло было такъ:

П. Сергѣенко, поссорившись съ какимъ-то молодымъ журналистомъ, написалъ тому рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ, что онъ, Сергѣенко, раньше удостоивалъ имя река чести своего знакомства, а теперь, принимая во вниманіе то и это, — порываетъ знакомство. Получившій это письмо журналистъ отвѣтилъ Сергѣенкѣ четверостишіемъ:

— Съ Сергѣенкой знакомство —

Сомнительная честь:

Сергѣенко повсюду

Безъ мыла можетъ влѣзть...

Сергѣенко разобидѣлся, заговорилъ о вызовѣ на дуэль. «Общія друзья», зная, что рисковать шкурою ни у Сергѣенки, ни у автора злой эпиграммы, нѣтъ ни малѣйшей охоты, принялись подуживать и того и другого:

— Нѣтъ, нѣтъ! Такъ дѣло оставить ни въ коемъ случаѣ нельзя! Вы должны драться! Поручите намъ, мы все устроимъ!

А тѣмъ временемъ злая эпиграмма ходила по рукамъ, создавая Сергѣенкѣ довольно — таки сомнительную популярность.

Дѣло, впрочемъ кончилось не дуэлью, а стычкой при случайной встрѣчѣ въ какомъ-то маленькомъ ресторанѣ, а потомъ — примиреніемъ.

Писательскаго таланта у Сергѣенки не было. Но писать онъ все же умѣлъ грамотно, литературно. Его рассказы и повѣсточки печатались въ журналахъ средней руки. Одна, и недурная повѣсточка, — «Діана Сребролукая», — проскочила даже на страницы достаточно строгой «Русской Мысли». Сколько помню, — принятіе въ «Русскую Мысль» этой вещи было дѣломъ А. Чехова, который потомъ въ этомъ каялся.

Но въ писательствѣ Сергѣенко далеко такъ и не пошелъ. Будучи обремененнымъ многочисленною семьей, и видя, что литература кормить плохо, онъ весьма удачно занялся посредничествомъ, оводя писателей съ издателями, художниковъ — съ покупателями картинъ и рисунковъ, артистовъ съ антрепренерами, и такъ далѣе. Въ то же время, онъ специализировался на доставкѣ газетамъ свѣдѣній о жизни и работѣ писателей, художниковъ и артистовъ, и съ особымъ усердіемъ принялся разрабатывать неистощимую тему: «какъ живетъ и работаетъ Левъ Толстой».

Въ тѣ годы Марксъ, создавшій изъ ничего грандіозное издательство, принялся скупать собранія сочиненій крупныхъ русскихъ писателей, чтобы давать приложения къ популярнѣйшему иллюстрированному журналу «Нива». П. Сергѣенко служилъ для этой цѣли Марксу, помогая выискивать правопреемниковъ уже умершихъ литераторовъ и вести съ ними переговоры. Къ Чехову Марксъ «боялся подступиться», отлично зная, какую огромную популярность Чеховъ пользуется, и какой большой и прочный спросъ на его сочиненія предъявляется, главнымъ образомъ — въ провинціи. Но за дѣло взялся П. Сергѣенко.

Чеховъ, при одной изъ встрѣчъ со мною, такъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ:

— Идея напечатанія «полнаго собранія сочиненій» занимала меня уже нѣсколько лѣтъ. Одно время объ этомъ усиленно поговаривалъ Алексѣй Сергѣичъ Суворинъ. Разговоры шли и послѣ того, какъ я пересталъ сотрудничать въ «Новомъ Времени», несмотря на то, что въ нашихъ отношеніяхъ повѣяло холодкомъ. Я попрежнему считался съ многократными заявленіями А. С. Суворина, что для солиднаго и располагающаго средствами и распространительнымъ аппаратомъ издательства, выпускъ собранія моихъ сочиненій ни съ какимъ рискомъ не сопряженъ. При одномъ изъ личныхъ свиданій съ Суворинымъ, онъ обмолвился, что былъ бы не прочь заплатить мнѣ до 50.000 рублей только за вещи, напечатанныя до 1895 года. Основываясь на этомъ, я полагалъ, что онъ дастъ мнѣ за полное собраніе сочиненій и до 100.000 рублей.

Когда болѣзнь моя обострилась, и выяснилась абсолютная необходимость переселиться въ Крымъ хотя на нѣсколько лѣтъ, я оказался въ довольно затруднительномъ положеніи: заработки порядочные, но далеко не регулярные. То сразу привалитъ полторы, двѣ тысячи, а то и мѣсяцъ, и два — приходятъ грошевыя суммы, главнымъ образомъ — «авторскія» отъ драматическихъ труппъ и «любителей», ставящихъ въ разныхъ мѣстахъ мои тетралыныя произведенія, мелкія вещи. Запасныхъ средствъ нѣтъ. Выполнивъ давній планъ — заняться подборомъ, пересмотромъ, чисткою и переработкою всего раньше напечатаннаго матеріала, разсѣяннаго во множествѣ изданій, и отчасти, представьте, самимъ мною позабытаго, — трудно, ибо поневолѣ приходится заботиться о текущихъ заработкахъ. У кое-кого изъ моихъ друзей въ Москвѣ возникла идея привлечь къ дѣлу какой-нибудь солидный московскій банкъ, и, получивъ въ видѣ займа потребныя средства, выпустить изданіе моихъ сочиненій подъ флагомъ одного изъ ежемѣсячныхъ журналовъ *) Начались пе-

*) Примѣчаніе автора. Сколько помню, Чеховъ не называлъ имени этого журнала, но рѣчь явно шла о популярнѣйшей «Русской Мысли», куда Чеховъ перешелъ, порвавъ съ «Новымъ Временемъ». Что же касается сдѣл-

реговоры, а вѣрнѣе сказать — нудные разговоры. Обще друзья поставили объ этомъ въ извѣстность А. Суворина. Къ удивленію, тотъ, продолжая увѣрять, что меня очень любить и цѣнить, далъ весьма уклончивый отвѣтъ. Далекъ отъ мысли предполагать, что Суворинъ тутъ хитрилъ и намѣревался «прижать» меня, чтобы заставить меня продать ему мои сочиненія подешевле. Вѣроятно же всего, онъ, Суворинъ, просто хотѣлъ «немного поводить» меня за то, что я вышелъ изъ круга сотрудниковъ «Новаго Времени».

Слухи о моихъ московскихъ и петербургскихъ переговорахъ дошли до предприимчиваго Сергѣенки. Онъ полетѣлъ къ Марксу, и тотъ далъ ему обширныя полномочія. Явившись ко мнѣ въ Ялту, Сергѣенко принялся меня «обрабатывать» весьма ловко. Твердилъ:

— Упустите Маркса. Антонъ Павловичъ, — потомъ во какъ жалѣть будетъ! Кто же, кромѣ Маркса, можетъ выплатить вамъ деньги чистоганомъ?! А соблазнитесь предложеніемъ какого-нибудь безденежнаго издательства, — можете жестоко поплатиться! Совѣтую соглашаться!

И дѣло кончилось тѣмъ, что сдѣлка была заключена. А когда дѣло было уже покончено, — поднялся шумъ. Тотъ же А. С. Суворинъ поторопился дать мнѣ знать, что я «безбожно продешевилъ», что Марксъ, дескать, меня «обошелъ и обобралъ», и что онъ, Суворинъ, былъ готовъ заплатить мнѣ и сто, и даже полтора тысячъ рублей...

Признаться, вся эта исторія оставила у меня въ душѣ очень горькій осадокъ. Ну, продешевилъ, такъ продешевилъ! Чортъ съ ними, съ деньгами! Но обидно, что, когда я нуждался въ поддержкѣ, — тотъ же Суворинъ какъ то подозрительно юлилъ...

М. Первухинъ.

ки съ Марксомъ, то отъ одного близко стоявшаго къ издательству Маркса лица, позже мнѣ пришлось слышать, что Сергѣенко былъ уполномоченъ дать Чехову до 125 тысячъ. «Обломавъ» Чехова, сберегши миллионеру Марксу по меньшей мѣрѣ 40—50 тысячъ, Сергѣенко «зашибъ» что-то пять или шесть тысячъ за удачно выполненное порученіе...

Первухин М. Тени прошлого. Воспоминания о
А.П. Чехове // Слово (Рига). 1927. 26 июня.

№ 543. С. 3

Тѣни минувшаго.

Изъ воспоминаній о А. П. Чеховѣ.

Съ такими «капиталами», какіе оказались у Чехова послѣ заключенія дѣлки съ Марксомъ и урегулированія своихъ денежныхъ дѣлъ, — онъ могъ бы приобрѣсти въ той же Ялтѣ уже готовую дачу. Въ крайнемъ случаѣ пришлось бы только взять ссуду въ какомъ нибудь банкѣ. Но Чеховъ поддался соблазну — выстроить себѣ жилье по собственному вкусу. И надо по совѣсти сказать, что удачи въ этомъ не было.

Можетъ быть, теперь больше четверти вѣка спустя, «дача Чехова» и обратилась въ очаровательный уголокъ. Но въ тѣ годы, когда я тамъ бывалъ, навѣщая прихварывавшаго Чехова, «оча ровательнаго» было очень мало, начиная съ самаго мѣста.

Въ доисторическія времена, съ невысокаго горнаго хребта Яйлы на узкую прибрежную полосу низвергался могучій потокъ, который и проложилъ себѣ почти прямое ложе на протяженіи версты двѣнадцати или пятнадцати, разворотивъ пласты хрящеватой глины и образовавъ довольно обширную долину, расширяющуюся по мѣрѣ приближенія къ морскому берегу. Когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, могучаго потока уже давнымъ давно не было, но была бойкая горная рѣчушка, никогда не пересыхавшая, а въ дождливые періоды дѣлавшаяся и многоводною. Начавшійся процессъ вырубki лѣсовъ на Яйлѣ, печально отозвался на участи рѣчушки: она превратилась въ ручей, изрѣдка пересыхавшій лѣтомъ. Къ концу XIX вѣка питавшій долину своими водами поэтической и, дѣйствительно, дико-живописный водопадъ «Учанъ-Су» — «Бѣгущая вода» или «Падающая вода» — совсѣмъ зачахъ. Выпадали лѣта, когда съ горъ стекала лишь совершенно ничтожная струйка. Ялтинскіе остряки подшучивали надъ «собственнымъ водопадомъ», — заявляя, что никакого, водопада уже нѣту. А егѣ поставленный бдительнымъ и пекущимся о красотахъ Крыма начальствомъ большой

тульскій самоваръ мастерскихъ Баташева. И приставленъ къ сему самовару сторожъ. И дано сторожу порученіе:

— Какъ увидишь, что туристы приближились — откручивай кранъ, пушай водичку. А ежели никого нѣту — кранъ прикручивай. Нечего зря казенную воду тратить то!

Водъ этого источника было такъ мало, что на моей памяти въ знойные дни лѣта, то есть, съ апрѣля и до конца сентября, — можно было бродить по ложу «Учанъ-Су» почти на всемъ протяженіи, яко по суху. Рѣдко — рѣдко гдѣ-то стоитъ лужица ржавой воды, и въ ней копошатся личинки ядовитыхъ, кусучихъ комаровъ.

Когда крошечный греко-турецкій поселокъ Ялта, превратившись въ городъ, принялся довольно быстро расти, оказалось, что податься ему собственно говоря, некуда, ибо растягиванію по морскому берегу препятствуетъ нахожденіе съ одной стороны «Ливадіи», съ другой — «Массандры», чудеснѣйшихъ имѣній, сдѣлавшихся собственностью императорской фамилии. Осталось тянуться только въ горы и именно по направлению къ водопаду «Учанъ-Су», то есть, по вышеописанной долинѣ, по двумъ довольно крутымъ скатамъ холмовъ хрящеватой глины. Скоро городъ дотянулся до татарскаго поселка «Аутка» и слился съ нимъ. Начали вырастать, какъ грибы, дачи и по ту сторону Аутки, тамъ, гдѣ раньше тянулись обширныя табачныя плантаціи, перемежавшіяся мѣстами съ чахлыми виноградниками и совсѣмъ бесплодными «плѣщинами» холмовъ.

Вотъ, въ этой мѣстности, видѣ отменно унылаго, и выросла дача Чехова. Земля усадьбы Чехова расположена на лѣвомъ берегу Учанъ-Су. Сверху, непосредственно надъ дачею, проходит людное шоссе, дорога въ горы, дающая неимоверное количество изжелта-сѣрой и бѣдой пыли. Каждый проезжающій по шоссе экипажъ поднимаетъ цѣлыя тучи этой мѣстной «язвы егип-

етской», — и потомъ пыль, конечно, ползетъ внизъ, проникая во всѣ щели и осѣдая тончайшею пудрою. Тишина — только относительная, ибо съ утра и до поздней ночи по шоссе тянутся неимоверно скрипучія татарскія арбы и мажары, и бродятъ группы горлодеровъ рабочихъ съ близкихъ «плантажей». Попасть на дачу изъ Ялты или съ дачи въ Ялту — только одинъ путь: черезъ густо населенную, неимоверно грязную и шумную Аутку, проѣхавъ почти полверсты по извилистой и узкой, словно червячий ходъ въ яблокѣ, улицѣ, наплотной которой добродѣтельные обитатели по издревле существующему обычаю невозбранно выливаютъ помой и вываливаютъ мусоръ, мимо убогихъ греческихъ лавченковъ, грязныхъ турецкихъ кафе величиною съ курятникъ, лишенныхъ свѣта и воздуха ночлежекъ и мастерскихъ. И если у васъ нѣту собственного экипажа, лошадей, кучера и такъ далѣе, а ходить пѣшкомъ вы не мастеръ, — вы оказываетесь въ рабской зависимости у ялтинскихъ извозчиковъ, славящихся на всемъ южномъ берегу Крыма своею жестокою выиностью и жадностью.

Когда Чехову встрѣчалась надобность побывать въ Ялтѣ, — начинались длительные и далеко не всегда успѣшные переговоры съ Ялтою по телефону: вызывался кто-нибудь изъ знакомыхъ, въ чьемъ домѣ или магазинѣ имѣется телефонъ, и ему поручалось «прислать извозчика». Бывали и такіе случаи, что посланный къ Чехову извозчикъ по дорогѣ встрѣтитъ знакомыхъ или собирающихся на экскурсію въ горы туристовъ и позабываетъ о Чеховѣ. А Чеховъ бродитъ, уже снарядившись въ путь, изъ угла въ уголъ и нервно палитъ одну папиросу за другою...

Достать въ Ауткѣ, — кромѣ быстро скисающаго «лаважа» ржавыхъ селедокъ, кислаго и терпкаго дешаваго вина, керосину и баранокъ, — ничѣго нельзя.

За всѣмъ рѣшительно надо посылать въ Ялту. Найти прислугу — почти невозможно.

— Далъ таки маху, поселившись здѣсь! — признавался иной разъ Чеховъ сскрушенно. — Подвели пріятели, соблазнившие возможностью пріобрѣсти дешево участокъ. Предсказывали, что и оглянуться не успѣешь, а мѣстность вся по-

кроется дачами и явится всяческое благоустройство. А, главное, клялись-божались, что тутъ пройдетъ линія электрической желѣзной дороги, и у самой моей дачи, дескать, возникнетъ станція. И удобствъ будетъ хоть отбавляй. А на дѣлѣ все это оказалось тѣмъ анекдотическимъ «пшикомъ», которымъ хитрый цыганъ соблазнилъ доверчиваго мужика. Вотъ, на этихъ дняхъ — прикрутило меня ночью. Пришлось вызывать Бородулина*). Три часа прошло, покуда Василій Андреичъ, бѣдняга, добрался до меня, проклиная судьбу. Прописалъ мнѣ лѣкарство. Еще четыре часа прошло, покуда удалось оное лѣкарство добыть. Да такъ и прошла вся ночь. А къ утру мнѣ и такъ полегчало. И такая, знаете ли, досада взяла: пропуделяли мы съ тревогою...

Антонъ Павловичъ шутилъ, — но дрожавшимъ за его здоровье матери и сестрѣ было, конечно, не до шутокъ, когда подтачивавшій его организмъ «процессикъ въ легкихъ» приводилъ къ какимъ-нибудь осложненіямъ, напимѣръ, къ кровохарканью или плевриту...

Мало удачною вышла и постройка: довольно обширный домъ выстроенъ въ стилѣ то ли англійскаго коттеджа, то ли мюнхенской виллы модернъ, тогда какъ, примѣнительно къ климату и характеру мѣстности, здѣсь болѣе подходило бы зданіе съ плоскими крышами-террасами. Смѣта, какъ водится, оказалась составленною небрежно, и постройка обошлась процентовъ на пятьдесятъ больше предположеній, что, по собственнымъ признаніямъ Чехова, спутало всѣ его расчеты и жестоко подрѣзало его благосостояніе. Дача оказалась выстроенною на солнцепекѣ. Надежда на то, что молодой садъ быстро разрастется и дастъ благотворительную тѣнь, совсѣмъ не оправдалась, ибо почва оказалась на рѣдкость неплодородною, посадки нуждались въ обильной поливкѣ, а воду приходилось добывать чуть не кружками. Зеленъ принималась туго, росла убійственно-медленно, выходя чахлою и жидкою, и это приводило любившаго возиться въ саду Чехова въ отчаяніе.

М. Первухинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Ялтинскій врачъ, долго бывшій, такъ сказать, лейбъ-медикомъ Чехова.

Первухин М. Тени прошлого. Воспоминания о
А.П. Чехове // Слово (Рига). 1927. 27 июня. № 544.

С. 4

Тѣни минувшаго.

Изъ воспоминаній о А. П. Чеховѣ.

Продолженіе.

Частью въ опубликованныхъ уже «письмахъ А. Чехова», частью въ еще ждущей очереди его перепискѣ за ялтинскій періодъ, можно встрѣтить жалобы на «фіолетовую скуку» жизни въ Ялтѣ, на оторванность отъ живой жизни. Въ разговорахъ со мною Антонъ Павловичъ неоднократно жаловался на то, что, живя въ Ялтѣ, онъ, дескать, оказался почти въ безвоздушномъ пространствѣ, и ему «приходится вариться въ собственномъ соку». И когда я пытался возражать, онъ уныло говорилъ:

— Можетъ быть, и впрямь, я оказываюсь въ этомъ отношеніи слишкомъ избалованнымъ. Но, вѣдь, поймите же: съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ въ Москву, и чуть не до вчерашняго дня, — жизнь кипѣла и бурлила, давая огромное количество впечатлѣній. Такъ называемыя «свѣтскія удовольствія» — еще шутъ съ ними: въ концѣ концовъ, можно обойтись и безъ нихъ, хотя, признаться, я долго былъ большимъ любителемъ вечеринокъ, пикниковъ, экскурсій. Но, вотъ, живя въ Москвѣ и Петербургѣ — какъ было не привыкнуть къ тамошнему строю жизни?

Газетъ за день и перечестъ не успѣешь. Книгами — хоть завались. Выставки смѣняютъ одна другую, а я былъ непремѣннымъ посѣтителемъ всѣхъ выставокъ: люблю живопись во всѣхъ ея отрасляхъ, люблю скульптуру, люблю «прикладное искусство». А, главное, театр: живя въ Петербургѣ или Москвѣ, вы должны разбиваться на части, чтобы не пропустить хотя бы только наиболѣе интересныхъ спектаклей и концертовъ. А съ тѣхъ поръ, какъ я и самъ сталъ драматургомъ, — у меня образовалась двойная связь съ театромъ. Но о какой же связи, чортъ возьми, можно говорить, живя здѣсь, въ Ялтѣ, гдѣ и театра то нѣту?!

А приходятъ столичные газеты, и только портятъ мнѣ настроеніе своими отчетами о спектакляхъ. И начинаетъ меня неудержимо тянуть — плюнуть на Ялту, бросить все, махнуть обратно въ Москву. Да... да только, по старой по-

словицѣ, бодливой коровѣ Богъ рогъ не далъ. Сижу, словно блудный песъ облѣзшій, прикованный на короткую цѣпь.

Въ самомъ дѣлѣ, жалобы Чехова имѣли серьезное основаніе.

Несмотря на то, что на протяженіи десятилѣтій Ялта числилась «первокласснымъ курортомъ» и обслуживала нужды весьма значительнаго количества контингента кургастовъ, имѣя и собственную, прочно осѣвшую интеллигенцію, жизнь ея была почти совсѣмъ лишена тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ существованіе культурнаго и обладающаго извѣстными потребностями человѣка дѣлается до ужаса скучною.

Когда Чеховъ поселился въ Ялтѣ, — тамъ имѣлась только одна публичная библіотека, принадлежавшая богатой и весьма дѣловитой дачевладѣлицѣ Волковой, организовавшей и книжный магазинъ. Но книгъ въ библіотекѣ было мало, и кромѣ беллетристики — ничего, собственно, не было. При надобности въ какой-нибудь книгѣ — надо выписывать оную изъ Москвы или Петербурга, ждать полторы, двѣ недѣли. Газеты изъ Питера приходили на пятый, а то и на шестой день. А зимою, бывало, почта гдѣ-то застревала изъ-за снѣговыхъ заносовъ на желѣзныхъ дорогахъ или на южнобережскомъ шоссе.

Существовалъ въ Ялтѣ городской театр. Точнѣе сказать, — существовало зданіе театра, очень скромныхъ размѣровъ, неумѣло выстроенное, крайне неудобное, съ убійственною акустикой. Но постоянной труппы не было. Играли только наѣзжая, и, конечно, по большей части убогія бродячія труппы, которыя неизмѣнно прогорали и разсыпались. На моей памяти было нѣсколько случаевъ, когда несчастные артисты такихъ бродячихъ труппъ буквально побирались, изголодавшись, и ходили по домамъ, собирая деньги на отъѣздъ. Но еще хуже дѣло пошло, когда зданіе городского театра сгорѣло, — это было, если меня не обманываетъ память, — въ 1900 году. Городскіе заправилы подняли вопросъ о

сооруженіи на этотъ разъ уже «соответствующаго нуждамъ первокласснаго курорта театра», на что, конечно, надо было ассигновать значительныя суммы. «Меньше трехсотъ тысячъ не обойдешься! Не стоитъ и дѣла затѣвывать!»

Городская касса пустовала. На заемъ нечего было рассчитывать. Городъ путался въ долгахъ. Оставалось рассчитывать на щедрость правительства, на общую кормилицу и поилницу, дойную коровушку, казну. Однако правившій тогда финансами будущій «графъ Подусаха-линскій» С. Ю. Витте, несмотря на то, что весьма вліятельныя лица на него насаждали, оказывался прижимистымъ, и отсыпалъ требовавшіеся «для поднятія Ялты, какъ курорта» миллионы упорно отказывался. Для любителей драматическаго искусства оставалось одно прибѣжище, — микроскопическая сцена въ городскомъ саду. Играть тамъ, однако, рѣшались развѣ только мѣстные «любители», или довольствовавшіеся малымъ «малороссы». И какъ ни плохи были спектакли, все же, Чеховъ не появлялся на нихъ въ томъ только случаѣ, если у него поднималась температура, или при кашлѣ появлялись въ выдѣленіяхъ злобшіе «прожилки» и «сгустки», то-есть, кровь.

Вскорѣ послѣ того, какъ я обосновался въ Ялтѣ, въ жизни Чехова произошли событія, приведшія къ крутому перелому: заѣхала, на пути съ Кавказа въ Москву, основная часть чудесной труппы Московскаго Художественнаго театра со Станиславскимъ во главѣ. «Художественники» организовали нѣсколько спектаклей. Ставились чеховскія пьесы. Чеховъ, ожившій, словно помолодѣвшій, окрѣпшій, — и дни и ночи проводилъ со старыми друзьями. Здѣсь онъ возобновилъ прежнее знакомство съ артисткою Ольгою Книпперъ, одною изъ лучшихъ исполнительницъ женскихъ ролей въ чеховскихъ пьесахъ, поддався обаянію этой красивой, изящной и умной женщины, увлекся ею, и... И черезъ нѣсколько недѣль женился на Книпперъ.

Бракъ внесъ очень серьезныя осложненія въ жизнь Чехова: его жизнь раздвоилась. Книпперъ не намѣревалась разстаться съ театромъ, дававшимъ ей и славу, и большіе заработки, да Чеховъ и не желалъ отрывать жену отъ ея любимаго дѣла. Но Книпперъ была прикова-

на къ Москвѣ, и ѣздить въ Крымъ, къ мужу, почти не могла. Самъ собою создавался такой порядокъ, что Чеховъ сталъ покидать Ялту, въ которой и раньше боролся съ «фіолетовою скукою», и принялся ѣздить въ Москву. Это не замедлило отразиться на состояніи его здоровья. Болѣзнь, съ которою раньше онъ довольно успешно боролся, подчинивъ себя строгому, почти санаторному режиму, пользуясь самоотверженнымъ уходомъ заботливой матери и сестры, сразу обострилась. Все чаще и чаще появлялись злобшіе симптомы. Встревоженные друзья настаивали на Чехова, уговаривая его позаботиться о здоровьѣ. Онъ же видѣлъ въ этомъ вторженіе въ его личную жизнь, усматривалъ проявленіе недоброжелательства по отношенію къ Книпперъ, раздражался, волновался, и дѣло шло все хуже и хуже.

За нѣсколько мѣсяцевъ до отъѣзда Чехова въ Баденвейлеръ, гдѣ ему суждено было умереть, я, пріѣхавъ по дѣламъ въ Москву, случайно встрѣтилъ Чехова на улицѣ: оказалось, онъ только что «не выдержалъ» и «махнулъ въ Москву» изъ Ялты, хотя время было очень мало подходящимъ для такой поѣздки. Чеховъ потащилъ меня къ себѣ въ гостиницу. Сколько помню, — это былъ «Славянский Базаръ». Я освѣдомился, не буду ли я стѣснять Книпперъ?

— Жена сегодня играетъ! — отвѣтилъ Чеховъ. — Вернется домой только послѣ одиннадцати. Тогда я васъ и отпущу. А до тѣхъ поръ — посидите со мною. Въ театръ идти не хочу: нездоровится. Знакомыхъ не жду. Скучаю, и, право же, вы сдѣлайте мнѣ огромное одолженіе, согласившись посидѣть со мною до возвращенія жены изъ театра!

Послѣ полуночи Чеховъ началъ нервничать:

— Ольга что-то запаздываетъ! Пора бы ей уже пріѣхать! Пора бы ей уже пріѣхать!

Послѣ часа его нервность приняла острые формы. Онъ съ трудомъ владѣлъ собою. Но меня не отпускалъ, ссылаясь на одиночество. Книпперъ вернулась домой около трехъ. И, прощаясь съ Чеховымъ, я невольно подумалъ, что такія волненія губятъ его...

М. Первухинъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Первухин М. Тени прошлого. Воспоминания о
А.П. Чехове // Слово (Рига). 1927. 28 июня. № 545.

С. 4

Тѣни минувшаго.

Изъ воспоминаній о А. П. Чеховѣ.

Продолженіе.

Тоскливыя жалобы 'А. Чехова на то, что «въ Ялтѣ общества нѣтъ», и что ему «приходится вариться въ собственномъ соку», имѣли серьезное основаніе, но, какъ самъ онъ иной разъ признавалъ, — нуждались въ нѣкоторой поправкѣ.

Да, Ялта, жизнь которой въ тѣ дни строилась цѣликомъ на курортныхъ принципахъ и стояла въ зависимости отъ нѣсколькихъ «сезоновъ», создала своеобразныя условія быта. Къ нимъ нужно было приноровляться, а это было далеко не легко для Чехова, откровенно признававшего себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма избалованнымъ, излишне, до придирчивости требовательнымъ.

— Собачья старость! — тихо, но съ горечью посмѣивался онъ. — Вѣдь, до настоящей старости я еще не дотянулъ. У нѣмцевъ, напримѣръ, человекъ въ мои годы считается «въ соку». А во мнѣ какой ужъ тамъ «сокъ»? Ежели подъ хорошій прессъ положить, то развѣ только вырабатываемые туберкулезными бактеріями токсины потекутъ юшкою. А, главное, — душевно то я отяжелѣлъ, что ли. Или паутина меня заплела...

Раньше, напримѣръ, я очень ужъ легко и просто, пожалуй, даже слишкомъ легко — шелъ не только на знакомство, но и на сближеніе съ людьми. Амикошонства никогда не любилъ, но «на ты» переходилъ, зачастую даже не запомнивъ, какъ слѣдуетъ, имя новаго знакомаго. И, когда сталъ писать, проявлялась даже какая то жадность на знакомства. Не то, что я «искалъ матеріала», и потому старался сознательно расширить кругъ знакомствъ ради возможности «производить наблюденія». Объ этомъ я, признаться, никогда не заботился, и даже не думалъ, что, дескать, «писателю нужно наблюдать». Но во мнѣ былъ неизсякаемый источникъ своеобразнаго любопытства: тянуло узнавать людей, узнавать всяческія «комбинаціи жизни», — какъ ~~человѣка, привыкшаго читать, тянется къ~~

книгѣ, все равно — какой именно. [А] вотъ, уже нѣсколько лѣтъ — этой тяги къ людямъ и нѣтъ. Любопытство совершенно изсякло. Иной разъ, когда кто-нибудь знакомый вздумаетъ рассказывать о себѣ, — ловлю себя на чувствѣ скуки и раздраженія, на досадливой мысли:

— И зачѣмъ это онъ языкъ распускаетъ?! И кому это нужно знать, что съ нимъ случилось, какія переживанія у него были?!

Раньше, для меня буквально каждое знакомство было интереснымъ. Теперь, когда представляется возможность завести новое знакомство, мнѣ приходится дѣлать надъ собою болѣе или менѣе значительное усиліе, чтобы преодолѣть создавшуюся и все возрастающую инертность, которая иной разъ и меня самого, признаться, путаетъ, ибо ея наличие является довольно таки зловѣщимъ симптомомъ.

Безудержно рѣдѣетъ кругъ людей, въ тѣсное общеніе съ которыми я раньше входилъ. Эти вымираютъ во благовременіи, тѣ разбѣиваются по лицу земли. Иные сами отъ меня отходятъ. А на смѣну ушедшимъ — почти никто не приходитъ, и мало-по-малу я оказываюсь въ стремящейся къ абсолюту пустотѣ. И бывають часы, когда сознаніе этого навѣваетъ жуть. И, вотъ, тогда иной разъ, представьте, мнѣ мучительно досадно, что я въ свое время не обзавелся семьей, остался старымъ холостякомъ. Помимо того, что, говорятъ, отъ старыхъ холостяковъ всегда псиною воняетъ, — есть еще и сознаніе собственной безпомощности и зависимости отъ постороннихъ.

И странное дѣло: вѣдь, аскетомъ то я никогда не былъ! Кой чортъ?! Совсѣмъ напротивъ. И женское общество любилъ, даже до излишества, а по мнѣнію нѣкоторыхъ — даже «до неистовства». И влюблялся. И добивался взаимности. И, конечно, имѣлъ романы. Но вышло что то странное: «связи» были, а настоящей,

серьезной, прочной связи — такъ и не создалось. Не вытанцовалось что то... А теперь, конечно, уже слишкомъ поздно: тѣло безнадежно изношено, и его придется беречь въ незримомъ футлярѣ для отличающихся хрупкостью вещей. Душа истрепалась. Способность восприимчивости и отзывчивости растрочена, должно полагать, на семьдесятъ пять процентовъ. Говорю же: собачья старость, чортъ бы ее драгъ, анафему!

Но и въ самомъ дѣлѣ, въ Ялтѣ тѣхъ дней было слишкомъ трудно, почти невозможно, — найти подходящую для Чехова компанію.

Свой своему поневолѣ братъ. За двадцать съ лишнимъ лѣтъ интенсивной писательской дѣятельности, связанной съ тѣснѣйшимъ общеніемъ съ соотвѣтствующими элементами общества, у Чехова содалась непобѣдимая привычка — потребность контакта съ художниками, артистами, писателями. Но ихъ то въ Ялтѣ и приходилось днемъ съ огнемъ искать.

Умершій, кажется, еще до мировой войны ялтинскій старожилъ, Д. А. Усатовъ, — въ молодости нагремѣвшій на всю Россію оперный пѣвецъ, обладатель феноменально сильнаго, звучнаго и красиваго голоса и отлично выстроенной весьма доходной дачи, говаривалъ по этому поводу такъ:

— Артисты въ Ялтѣ? Сколько угодно! Вотъ, намедни, сталъ я въ городской управѣ разносить за пьянство сторожа, а онъ мнѣ вдругъ и запаливаетъ:

— Грѣхъ вамъ, Дмитрій Андреевичъ, такъ съ товарищемъ по театру поступать!

— А ты къ театру какое отношеніе имѣешь?!

— Я? А я почитай пять годовъ въ ламповщикахъ ходилъ! А одно время даже капельдинеромъ былъ! А вы на меня какъ быкъ ревете! А я развѣ виноватый, что вамъ Богъ голосъ далъ, а я свой голосишко, можно сказать, даромъ пропилъ?!

А то еще есть «артистъ». Слышали? Въ соборномъ хорѣ — регентъ. Ничего себѣ парнишка, изъ Чигирина. Изъ стараго казацкаго рода. Въ крылаткѣ, конечно, бѣгаетъ. Лохматый. Голосъ — козлиный. Какъ регенту и подобаетъ.

Но только фамилія очень ужъ неприличнымъ анекдотомъ пахнетъ. Пришлось ему, бѣднягѣ, чтобы дамъ въ краску не вгонять, называть себя «Сакуномъ»...

И, помолчавъ нѣсколько секундъ, доканчивалъ:

— Вотъ, и я тоже... Когда то на шоколадныхъ коробкахъ и на разной дрянной фотографическія изображенія въ такъ называемыхъ «коронныхъ роляхъ» по всей Россіи гуляли. А теперь, видите ли, моя артистическая дѣятельность состоитъ въ томъ, что завѣдую я, Дмитрій Усатовъ, ялтинскимъ городскимъ мусорнымъ обозомъ. И сохранившіеся у меня остатки баритона, — есть еще пороховъ въ пороховницахъ! — употребляю на то, чтобы пужать торговкоу на городскомъ базарѣ...

Вотъ, усиленно зазываетъ меня къ себѣ Антонъ Павловичъ. — Приходите, — говоритъ, — вспомняемъ старое, поболтаемъ о театрѣ!

А я ему въ отвѣтъ:

— Хотите, такъ приплю ко вамъ Николашку Иванова! Это онъ, каналья, бывшій банщикъ, таскавшій шайки съ горячею водою и при случаѣ бѣгавшій за дѣвками для раскутившихся посѣтителей бани, теперь у насъ, въ Ялтѣ, завѣдуетъ, въ качествѣ гласнаго, всею артистическою частью. А я, грѣшнымъ дѣломъ, теперь на только и способенъ, чтобы орать на базарѣ да распекать мусорщиковъ... Какой же я вамъ, Антонъ Павловичъ, компаньонъ, въ самомъ дѣлѣ?!

Усатовъ, конечно, шаржировалъ. Но когда онъ говорилъ, что «Чехову у насъ и поговорить не съ кѣмъ», — онъ былъ, въ сущности, не такъ далеко отъ печальной истины.

Изъ представителей пишущей братіи въ тѣ годы въ Ялтѣ прочно обосновались только Сергій Яковлевичъ Елпатьевскій, довольно популярный социалистъ-народникъ, постоянный сотрудникъ Короленко по «Русскому Богатству», бывшій съ Чеховымъ «на ты», потомъ нѣкій А. Безчинскій, да вашъ покорнѣйшій слуга.

М. Первухинъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Первухин М. Тени прошлого. Воспоминания о
А.П. Чехове // Слово (Рига). 1927. 30 июня.
№ 547. С. 4.

Тѣни минувшаго.

Изъ воспоминаній о А. П. Чеховѣ.

Продолженіе.

Между Чеховымъ и Елпатьевскимъ было нѣкое подобіе дружбы, но жизненные пути ихъ разошлись, и то общее, что было раньше, съ теченіемъ времени замѣтно вывѣтрилось. Если связь и оставалась, то больше по инерціи.

С. Елпатьевскій, какъ писатель, никогда не поднимался надъ уровнемъ посредственности. Пусть посредственности приличной, идейно корректной, иной разъ даже милой, но, все же, это была только посредственность.

Въ молодости, кажется, еще студентомъ Елпатьевскій спутался съ революціонными кружками и утонулъ въ Сибирь, гдѣ ему пришлось прожить нѣсколько лѣтъ въ весьма тяжелыхъ условіяхъ. Людей, сильныхъ духомъ, такіа передраги только закаляютъ. Елпатьевскій, какъ я его понимаю, отнюдь не былъ такимъ «сильнымъ духомъ» и изъ сибирской ссылки вырвался надломленнымъ и тѣломъ, и душою. Надломленность, надорванность, опустошенность души сказывались на всемъ его писательствѣ: онъ на каждомъ шагу подчеркивалъ то обстоятельство, что исповѣдуетъ социалистическій символъ вѣры, да еще въ интерпретаціи В. Короленки. Но именно это-то черезчуръ настойчивое подчеркиваніе заставляло подозревать, что скитанья по тюрьмамъ и этапамъ, пребываніе въ разныхъ гиблыхъ мѣстахъ, гдѣ политическіе ссылки, отгородившись отъ обывательской массы, годами варились въ собственномъ соку, заполняя вынужденный досугъ набившими оскомину дискуссіями, дразнами, взаимными обвиненіями въ еретичествѣ, и, наконецъ, третейскими судами, — все это словно какою-то крѣпкою кислотой выгѣло юношескую вѣру въ социализмъ. Осталась только лишенная внутреннего содержанія оболочка социалиста-народника, безъ искренней вѣры въ народъ. И это сказывалось на каждомъ шагу, дѣлая Елпатьевского, какъ писателя, нестерпимо слащавымъ, и отнимая у него возможность пользоваться обшир-

нымъ матеріаломъ, накопленнымъ въ результатѣ жизненнаго, довольно разносторонняго опыта.

Когда я познакомился въ Ялтѣ съ Елпатьевскимъ, обладавшимъ тамъ собственною дачею и занимавшимся не безъ успѣха медицинскою практикою, — онъ произвелъ на меня впечатлѣніе издерганнаго и уже съ трудомъ владѣющаго своими нервами человѣка. Смутный, какъ цыганъ, черноглазый, черноволосый, — онъ казался случайно попавшимъ въ культурную среду сибирскимъ инородцемъ, съ еще неперебродившею, буйною кровью степного или лѣсного дикаря. Энергіи въ немъ было много, но какой-то безтолково-егозливей и безтолково разбрасывающейся. Медикъ-терапевтъ по образованію, онъ съ увлеченіемъ предавался политической дѣятельности, являвшейся тогда, собственно говоря, чистѣйшимъ водотолченіемъ, и одновременно писательствовалъ. Если добавить, что по принципу «ноблессъ оближъ» Елпатьевскій, въ качествѣ мѣстнаго домовладѣльца, занялъ роль лидера мѣстной интеллигенціи, или, точнѣе сказать, ея архи-радикальной части, и потому былъ проведенъ въ гласные городской думы, сталъ врачомъ при дѣтскомъ пріютѣ и при благотворительномъ обществѣ, членомъ нѣсколькихъ организаций общественнаго характера, — картина будетъ ясна: ему приходилось разрываться на части, и все рѣшительно дѣлать «на курьерскихъ». Съ утра и до поздней ночи Елпатьевскій носился бурею по городу и его окрестностямъ, появляясь неожиданно тамъ, гдѣ меньше всего въ немъ была надобность, и не показываясь именно тамъ, гдѣ онъ былъ нуженъ.

Такъ же, бурею, онъ налеталъ и на домъ Чехова. Прилетитъ возбужденный, издерганный, напумитъ, накричитъ, обрушится на робѣвшаго при его появленіи Антона Павловича, учинить тому «разность» за дѣйствительныя или мнимыя прегрѣшенія противъ правилъ, регули-

ющихъ режимъ легочнаго больного, заведетъ споръ на остро-политическую тему, и потомъ умчится вихремъ, вспомнивъ, что съ утра его ждетъ зазывающійся кровью больной студентъ въ одной изъ санаторій.

А. Чеховъ долго потомъ шатается въ своемъ рабочемъ кабинетѣ изъ угла въ уголъ, поднимаетъ оставленные въ самыхъ неподходящихъ мѣстахъ Елпатьевскимъ окурки толстыхъ «кручонокъ», вздыхаетъ, и бормочетъ:

— И что это за человѣкъ такой, право?! Вѣчно горячку поретъ! И поговорить съ нимъ толкомъ никакъ не удастся!

О писательствѣ Елпатьевского Чеховъ говорилъ всегда въ нарочито сдержанныхъ выраженіяхъ, осторожно, но всегда напиралъ на то обстоятельство, что «нельзя совмѣстить несомѣстимое». Или быть заваленнымъ работою практикующимъ врачомъ, или сдѣлаться профессиональнымъ писателемъ. Или ужъ цѣликомъ отдаться политической и общественной дѣятельности.... А такъ — человѣкъ во всемъ оказывается лишь дилетантомъ. Врачи полагаютъ, что «Елпатьевскій — это писатель». Для писателей же — онъ кажется «больше врачомъ».

И еще въ 1900 году, по поводу появленія на страницахъ «Русскаго Богатства» какого то небольшого разсказа Елпатьевского, грустно говорилъ:

— Боюсь, Сергѣй Яковлевичъ истощается и выдыхается. Печатается онъ все рѣже и рѣже. Новаго уже ничего, собственно говоря, не даетъ, а только какъ бы комментируетъ раньше имъ же намѣченные темы. Чисто творческій элементъ, который въ его произведеніяхъ и раньше былъ слабоватъ, — теперь проявляется все рѣже и рѣже. Наблюдательность явно притупляется. Ея мѣсто занимаетъ сухое резонерство. И, къ моему глубокому сожалѣнію, у меня съ нимъ все меньше и меньше общаго. Иной разъ мнѣ кажется, что мы начинаемъ говорить на разныхъ языкахъ, утрачивая умѣнье понимать другъ друга. И потомъ, — что это за несчастная страсть — вступать въ «принципіальные» споры изъ-за сущихъ пустяковъ, обвинивать себя, пылить, орать, махать кулаками, словно мы, прости Господи, не разбитыя на всѣ четыре копыта клячи преклоннаго возра-

ста, а находящіеся въ состояніи хроническаго возбужденія юные студенты?!
—

Лѣтъ десять спустя, я, отправившись по порученію московскаго «Русскаго Слова» въ Ниццу, отъ тамошнихъ эмигрантовъ узналъ, что Елпатьевскій обосновался въ Ниццѣ, и навѣстилъ его. Мой визитъ былъ короткимъ, — такое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня старый ялтинскій знакомый. Я увидѣлъ не живого человѣка, а его развалины. Полуразбитый параличомъ, полуслѣпой, задыхающійся отъ астмы, обрюзгшій, опустившійся, съ мутными глазами, съ неимоверно сиплымъ голосомъ, охваченный тупымъ равнодушіемъ ко всему внѣшнему міру, Елпатьевскій казался доживающимъ послѣдніе мѣсяцы.

И уходя изъ его квартиры, я вспомнилъ пророчество Чехова:

— Жаль, но лѣтъ черезъ двадцать, много черезъ двадцать пять, о Елпатьевскомъ, какъ писателѣ, едва ли кто будетъ и вспоминать. Въ исторію русской литературы онъ не войдетъ. А знатоки литературы, пожалуй, будутъ трактовать его, какъ довольно слабого имитатора Короленки. Вотъ что значитъ для нашего брата, писателя, разбрасываться и не специализироваться на чемъ либо одномъ!

На протяженіи всего періода пребыванія Чехова въ Ялтѣ, наиболѣе частымъ посѣтителемъ его дачи былъ нѣкій Александръ Яковлевичъ Безчинскій, особымъ образомъ причастный литературѣ, и сумѣвшій добиться того, что мягкосердечный и добродушный Чеховъ взялъ его подъ свое покровительство. Долго возился съ нимъ отзывчивый Чеховъ. А передъ своимъ отъѣздомъ въ Баденвейлеръ, при встрѣчѣ со мною, признался:

— Вся бѣда въ томъ, что Безчинскій, въ молодости, ища работы, совершенно случайно попалъ не въ канцелярію городской или земской управы, не въ статистику губернскаго правленія, не въ макуфактурный или галантерейный магазинъ, а въ какую то редакцію, и потому вообразилъ себя писателемъ. Бываютъ же такіа трагическія недоразумѣнія!

М. Первухинъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Первухин М. Тени прошлого. Воспоминания о
А.П. Чехове // Слово (Рига). 1927. 6 июля. № 553. С. 4.

Тѣни минувшаго.

Изъ воспоминаній о А. П. Чеховѣ.

Продолженіе.

А. Я. Безчинскій, «протѣже Чехова», и по внѣшности казался кѣмъ угодно — дѣлопроизводителемъ судебной палаты, бухгалтеромъ мануфактурной фирмы, статистикомъ при земствѣ, старшимъ приказчикомъ книжнаго или аптекарскаго магазина, — только не писателемъ.

Высокій, плотный, рыхлый, рано обрюзгшій и совершенно облысѣвшій, съ маленькими и зло глядѣвшими водянистыми глазами, вздернутымъ носомъ и массивною, почти квадратною нижнею челюстью, онъ казался не евреемъ по происхожденію, а скорѣе обрусѣвшимъ астонцемъ или латышомъ. Уроженецъ Ростова-на-Дону, недоучившійся студентъ филологъ или юристъ, онъ попалъ въ Ялту на правахъ легочнаго больного, случайно нашель работу при редакціи «Крымскаго Курьера» въ качествѣ корректора, — а потомъ, втянувшись въ дѣло механически, сталъ завѣдующимъ редакціею. Человѣкъ это былъ хорошо грамотный, добросовѣстно работавшій, умѣвшій «выдерживать тонъ», но совершенно органически чуждый творчеству во всѣхъ его видахъ. Въ редакціи маленькой, курортнаго типа газеты, имѣвшей микроскопическія средства и жестоко эксплуатировавшейся невѣжественною и жадною владѣлицею, маленькою помещицею Лупандиною, изъ тверскихъ дво-

рянокъ, — Безчинскому надо было «стряпать» всю газету. Онъ набилъ руку на «вырѣзкахъ», безбожно обирая столичные газеты, и довольно успѣшно составлялъ «номеръ» сплошь изъ чужого матеріала. Но писать что либо, но отзываться хотя бы на самыя знакомыя мѣстные темы, — на это у Безчинскаго пороку не хватало. Отъ времени до времени, «для поддержки репутаціи», онъ брался за перо, чтобы написать какую-нибудь «передовую статью», — и тутъ начинались для него неописуемыя мученія. Семь потовъ спустить, а въ результатъ появляется статья, которая почему то кажется перелицованною статьею «Русскихъ Вѣдомостей» или нотовичевскихъ «Новостей».

Ялтинскіе обыватели очень скоро смѣтили, что Безчинскій, при всей своей «идейности» — такой же журналистъ, какъ и китайскій мандаринъ или ассирологъ, и принялись посмѣиваться надъ его нарочито важнымъ тономъ и манерами авторитетнаго представителя печати. Безчинскій, болѣзненно самолюбивый и склонный цѣнить себя высоко, озлился. Свои слишкомъ явныя неудачи на поприщѣ журнальной дѣятельности онъ объяснялъ тѣмъ, что ему работать приходится въ крайне неблагоприятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ условіяхъ, не находя

ни въ комъ и нигдѣ поддержки. Къ тому же, — цензура, цензура... Вотъ, если бы ему, Безчинскому, была предоставлена возможность работать свободно въ какой-нибудь настоящей газетѣ, — иное дѣло...

Какъ разъ въ это время въ Ялтѣ поселились Елпатьевскій и Чеховъ. Смѣтливый Безчинскій сейчасъ же прикомандировался къ нимъ, и, проявляя исключительную услужливость, въ которой была весьма солидная доля, но умѣло замаскированного молчалинства, сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ и здѣсь, и тамъ. Полное ничтожество во всѣхъ отношеніяхъ, этотъ человѣкъ цѣплялся за свое убогое редакторство въ «Крымскомъ Курьерѣ» и зубами, и ногтями, ибо только оно давало ему возможность играть роль въ обществѣ и обзаводиться полезными связями.

Въ концѣ 1899 года на страницахъ владившаго до ужаса жалкое существованіе и печатавшагося зимою въ количествѣ не выше 300 экземпляровъ «Крымскаго Курьера» появилось широкоформатное объявленіе:

— Съ перваго января наша газета будетъ выходить по значительно расширенной программѣ, съ добавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ отдѣловъ, въ болѣешемъ размѣрѣ, и съ ближайшимъ участіемъ А. П. Чехова, С. Я. Елпатьевскаго, В. Г. Короленки, доктора С. П. Розанова и др., подъ общею редакціею А. Я. Безчинскаго.

Южнобережскіе обыватели, отлично знавшіе, на какихъ основаніяхъ существовалъ «Крымскій Курьеръ», который

они весьма непочтительно называли «органомъ Лупанды», — только глаза таращили да руками разводили:

— Откуда же Лупанда, сія «помѣщичья-коробочка», будетъ брать деньги на содержаніе газеты?! Вѣдь, «ближайшее сотрудничество» Чехова пахнетъ многими тысячами. Вонъ, Чеховъ изъ «Новаго Времени» ушелъ и не поморщился, хотя Суворинъ ему по нѣскольку сотъ рублей за маленькій рассказъ отваливалъ... Да и Елпатьевскому, конечно, платить нужно... А тутъ еще «и др.»... И кто это «и др.»?

Пришелъ новый, 1900 годъ. Январь, февраль, мартъ... Газета какою была, такою и осталась. Тотъ же скромный форматъ. То же убогое содержаніе: сплошь перепечатка изъ другихъ газетъ. Разъ въ недѣлю — вымученная статейка Безчинскаго.

За полгода «ближайшее сотрудничество» Чехова выразилось въ напечатаніи «письма въ редакцію», въ которомъ Чеховъ обращалъ вниманіе городской управы на необходимость поставить хоть дватри лишніе фонаря на Ауткѣ. Елпатьевскій далъ коротенькую и безсодержательную замѣтку на медицинскую тему, предостерегая больныхъ, слишкомъ склонныхъ набрасываться на рекламируемая иностранною печатью новыя средства отъ туберкулеза. В. Короленко блисталъ своимъ отсутствіемъ. «И др.» тоже ничѣмъ не давали знать о своемъ существованіи.

М. Первухинъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

Первухин М. Тени прошлого. Воспоминания о
А.П. Чехове // Слово (Рига). 1927. 7 июля. № 554. С. 4.

Тѣни минувшаго.

Изъ воспоминаній о А. П. Чеховѣ.

Продолженіе.

Прошло нѣсколько недѣль. И вдругъ на страницахъ «Крымскаго Курьера» — заявленіе:

— Вслѣдствіе принципиальныхъ разногласій съ издательницею госпожею Н. Р. Лупандиною, А. Я. Безчинскій оставляетъ редакцію.

А. П. Чеховъ и С. Я. Елпатьевскій симъ заявляютъ, что съ сего числа они прекращаютъ свое сотрудничество въ «Крымскомъ Курьерѣ».

— И чортъ меня дернулъ ввязаться въ эту глупую исторію! — признавался годами позже Чеховъ въ откровенной бесѣдѣ со мною. — Главное дѣло, — очень ужъ глупо все вышло! Виноватъ, конечно, почтеннѣйшій Александръ Яковлевичъ Безчинскій. Впрочемъ, вѣрнѣе будетъ сказать, что виновата моя собственная слабохарактерность, которая и раньше неоднократно жестоко подводила меня.

Суть въ томъ, что какъ я теперь отлично вижу, Безчинскому вовсе не слѣдовало брать за веденіе газеты. Не его это дѣло! Вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ газета попала въ ваши, М. К. руки, — ее и узнать нельзя. Не мнѣ вамъ дѣлать комплименты: не хорошенькая барышня вы...

— Увы...

— Но, вотъ, средства у изданія оста-

лись тѣ же, а газета стала живою, и, право же, интересною. Раньше, при Безчинскомъ, несмотря на наши отношенія, я по цѣлымъ мѣсяцамъ не заглядывалъ въ газету. Теперь прочитываю, или хотя проглядываю — буквально каждый номеръ. Уѣзжая въ Москву, — распоряжаюсь, чтобы вашу газету присылали мнѣ туда. Чувствуете?

— Очень даже!

— Ну, вотъ... Раньше, при Безчинскомъ, я, конечно, зналъ, что газета безсодержательна, плоска, что у нея нѣтъ собственной фizioноміи, но, признаться, всю вину сваливалъ на «независящія отъ редакціи обстоятельства». Симпатизируя Безчинскому, считая его вполне заслуживающимъ поддержки, я не зналъ, какъ это сдѣлать, и когда онъ предложилъ комбинацію съ «ближайшимъ участіемъ», имѣлъ слабость согласиться на это. Безчинскій увѣрялъ, что одного заявленія о нашемъ сотрудничествѣ будетъ достаточно для привлеченія большого количества подписчиковъ. А будутъ подписчики — будутъ, дескать, и деньги, и редакція, въ самомъ дѣлѣ, получить возможность имѣть платныхъ сотрудниковъ. И... и никакихъ надувательствъ читательской массы!

Очень ужъ убѣдительно Безчинскій рисовалъ сію идиллическую картину. Уговорилъ, злодѣй! А въ результатѣ —

мы, то есть, я и Елпатьевскій, попали въ очень неловкое положеніе. Подписчикъ оказался куда какимъ хитрымъ, въ разставленную нами пустую ловушку не полѣзъ. И вышло, что мы пытались его надуть, а онъ раскусилъ нашъ грубый фортель. Ужасно неловко вышло, право же!

А потомъ тотъ же Елпатьевскій придумалъ новую комбинацію: необходимо, дескать, вырвать газету изъ рукъ Лупанды. Пусть она, Лупанда, остается владѣлицею, но пусть отдастъ газету цѣликомъ въ распоряженіе Безчинскаго, который обязуется выплачивать ей лишь то, что будетъ оставаться въ кассѣ за покрытіемъ всѣхъ редакціонныхъ расходовъ. Вырабатывается строго провѣренный бюджетъ. Устанавливается контроль надъ всѣми поступленіями. Лупанда совершенно лишается возможности вмѣшиваться въ редакціонныя дѣла.

Я усумнился: вѣдь, нѣтъ способовъ принудить цѣпляющуюся за газету «помѣщицу-Коробочку» пойти на такую комбинацію!

— Нѣтъ, есть! Мы предъявимъ ей ультимативное требованіе съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ отказа принять наши условія, мы коллективно уйдемъ изъ газеты. Вести газету, кромѣ насъ, рѣшительно некому. Лупандиною придется сдаться.

И, вотъ, «мы» предъявили Лупандѣ свирѣпый ультиматумъ. Дали три дня сроку. Признаться, я таки злорадствовалъ: приперли сію особу къ стѣнкѣ! Прижали ей хвостъ!

А черезъ три дня — въ редакціи оказался выписанный изъ Харькова, изъ редакціи «Южнаго Края», новый редакторъ, В. Волянский.

И намъ ничего не оставалось больше, какъ проглотить сей финикъ, и объявить о своемъ «принципиальномъ» разрывѣ съ редакціею «Крымскаго Курьера». А другія крымскія газеты обрадовались тому случаю, сей сконпель-истуаръ, и принялись зубоскалить. Бѣднягу Безчинскаго чуть не на куски разорвали. Ну, и мнѣ, грѣшнымъ дѣломъ, тоже досталось...

А Безчинскій, слишкомъ ужъ пожившійся на свою незамѣнимость, оказался безъ работы и безъ заработка, и въ самое неудобное время. Ну и пришлось мнѣ и Елпатьевскому, какъ вѣрнымъ союзникамъ позаботиться о томъ, чтобы онъ не погибъ, какъ шведъ подъ Полтавою. Сначала мы пытались пристроить его корреспондентомъ въ «Русскія Вѣдомости» и кое какія провинціальныя газеты. Къ нашему разочарованію опытъ оказался неудачнымъ. Безчинскій проявилъ себя непомѣрно скучнымъ корреспондентомъ. Тутъ у меня начали раскрываться глаза на него. Но не бросать же попавшаго въ бѣду человѣка?! Была придумана комбинація: издательство «Русской Мысли» согласилось выпускать подъ своимъ флагомъ новый «Путеводитель по Крыму», поручивъ составленіе его Безчинскому. Въ качествѣ составителя путеводителя Безчинскій «оправдалъ довѣріе». Ему поручили составить «Путеводитель по Волгѣ». Пошло дѣло. Теперь Безчинскій составляетъ уже третій или четвертый путеводитель. А отъ чисто литературной работы отказался. И хорошо сдѣлалъ, признаться...

М. Первухинъ.

{Окончаніе слѣдуетъ}.